

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ПРАВЪ

П. Г. РѢДКИНА

ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФІИ ПРАВА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЙ ФИЛОСОФІИ ВООБЩЕ.

«Все минется, одна правда остается».

Русская народная пословица.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 линія, 28.

1890.

1744

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Части первой отдѣла четвертаго окончаніе	1—359
III. Изложеніе содержанія нѣкоторыхъ Платоновыхъ разговоровъ	1—356
Изъ четвертой группы:	
2. Законы	1—356
IV. О платоникахъ вообще и о принадлежавшихъ къ древней академіи въ особенности	356—359
Отдѣлъ пятый: Аристотель	359
I. Объ Аристотелѣ вообще	359—413
II. Обзорѣніе существеннаго содержанія философскихъ сочиненій Аристотеля	413
1. Логика (Органонъ)	414
О логикѣ вообще.	414—419
А. О категоріяхъ.	419—439
Б. О толкованіи.	439—445
В. Аналитика.	445—492

ЧАСТИ ПЕРВОЙ

ОТДѢЛА ЧЕТВЕРТАГО

Окончаніе.

III. Изложеніе содержанія нѣкоторыхъ Платоновыхъ разговоровъ.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ГРУППЫ.

2. Законы.

ВВЕДЕНІЕ.

Во введеніи сперва укажу на лучшія изданія въ подлинникѣ и на переводы этого Платонова разговора, а потомъ скажу о его заглавіи, о его содержаніи вообще, о его формѣ вообще и о его раздѣленіи на главныя части.

Лучшее изданіе греческаго оригинала-подлинника, это—*Шталльбаума* (Stallbaum, „Platonis opera. Leges. Nova editio stereotypa“. Лейпцигъ. Tauchnitz). Затѣмъ замѣчательно также изданіе греческаго подлинника съ нѣмецкимъ переводомъ и съ критическими объяснительными замѣчаніями, это—*„Platons Gesetze griechisch und deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen. Leipzig, 1854—55, два тома; перевелъ Вагнеръ (Wagner)“*. Лучшій нѣмецкій переводъ сдѣланъ Іеронимомъ *Миллеромъ* (Hieronymus Müller) со введеніемъ и замѣчаніями Карла *Штейнхарта* (Karl Steinhart); этотъ томъ изданъ въ Лейпцигѣ въ 1859 г. Лучшій французскій переводъ, съ немногими примѣчаніями, это—*„Les lois de Platon, traduction du grec, revue et corrigée par Amedée Saisset“*. Paris,

1863, 2 volumes. Единственный переводъ на русскій языкъ, это— „Платоновы разговоры о законахъ“, переведенные адъюнктомъ Московскаго университета Оболенскимъ (Москва, 1827 г.).

Теперь скажу о заглавіи этого разговора.

Обыкновенно это сочиненіе называется νόμοι—законы; но неизвѣстно, озаглавилъ ли его такъ самъ Платонъ, или же кто-либо другой изъ древне-греческихъ издателей этого сочиненія. Всего вѣроятнѣе—такъ озаглавилъ его тотъ, о которомъ съ достовѣрностью извѣстно, что онъ *впервые* опубликовалъ это сочиненіе, а именно: одинъ изъ учениковъ Платона, Филиппъ Опунтійскій, списавшій это сочиненіе съ воощанныхъ дощечекъ, на которыхъ написалъ его самъ Платонъ.

Такому заглавію соотвѣтствуетъ существенное, главное содержаніе этого сочиненія; ибо Платонъ хотѣлъ представить въ немъ законы, которыми должно устроиться и управляться государство, дабы его граждане могли проявить единую, всецѣлую и нераздѣльную добродѣтель и тѣмъ осуществить въ дѣйствительности идею верховнаго добра или добра самого по себѣ и для себя, самосущаго, абсолютнаго добра, насколько такое осуществленіе возможно для людей.

Этимъ существенно отличается государство, *изображенное* здѣсь Платономъ, *отъ того государства, которое изобразилъ онъ въ своемъ разговорѣ „Государство“*. Ибо то государство устроится и управляется не какими-либо законами, а чисто умомъ (νοῦς), представители котораго суть его правители-философы, не нуждающіеся, при своей мудрости, въ какихъ-либо законахъ и руководящіеся присущимъ имъ, истиннымъ философскимъ знаніемъ идеи верховнаго добра, которая и осуществляется въ этомъ государствѣ. Въ такомъ смыслѣ то государство можно назвать идеальнымъ, между тѣмъ какъ государство, *изображенное въ разговорѣ „Законы“*, можно назвать подзаконнымъ государствомъ.

Самъ Платонъ опредѣляетъ главное содержаніе своего разговора „Законы“. Въ немъ представлено, по его собственнымъ словамъ, изображеніе государства, хотя уже не первостепеннаго по своему совершенству, т.-е. не основаннаго на общности имущества, женъ и дѣтей, какимъ изображено оно въ разговорѣ „Государство“, однакоже непосредственно слѣдующаго

за нимъ второстепеннаго по совершенству государства, которое хотя и не равняется съ первымъ, однакоже возможно приближается къ нему.

Но и въ разговорѣ „Законы“ Платонъ все еще строго продолжаетъ держаться того же убѣжденія, какъ и въ разговорѣ „Государство“, т.-е. что только уничтоженіе частной собственности и отдѣльной семейной жизни можетъ сдѣлать государство истинно единымъ, потому что только такимъ образомъ исчезнетъ изъ жизни гражданъ все собственное, отдѣльное, ихъ разъединяющее, и что только при такомъ предположеніи, или подъ такимъ условіемъ, государство можетъ соответствовать своей верховной цѣли, состоящей въ осуществленіи совершенной, всецѣлой, единой и нераздѣльной добродѣтели, потому что только въ такомъ государствѣ возможно, чтобы граждане отказались отъ всякаго эгоизма, дѣйствовали вмѣстѣ, сообща, стремясь къ одной и той же общей имъ цѣли, настроивались одинаково и однимъ и тѣмъ же къ радости и печали, къ похвалѣ и порицанію, имѣли какъ-бы одинъ умъ и одну волю, и такимъ образомъ все дѣлали сообща, подобно членамъ одного тѣлеснаго организма, въ виду блага цѣлаго государства. Только такое государство можетъ, по мнѣнію Платона, наслаждаться высочайшимъ счастіемъ, блаженствомъ; только такое государство должно быть всегда образцомъ или первообразомъ для всѣхъ прочихъ государствъ и мѣриломъ, которымъ можно вѣрно оцѣнить бѣльшее или мѣньшее совершенство прочихъ государствъ.

Но какъ идеи въ своей чистотѣ живутъ (говоритъ Платонъ) только на небѣ и у боговъ, т.-е. какъ идеи не воплощаются, не осуществляютъ вполнѣ въ мірѣ явленій, такъ и государство, изображенное въ разговорѣ „Государство“, выражающее во всей чистотѣ верховную идею добра, слѣдовательно идеальное государство, возможно только для боговъ и ихъ сыновъ, героевъ. И въ самомъ дѣлѣ, основныя черты Платонова идеальнаго государства представляются въ жизни олимпійскихъ боговъ, какъ она изображается уже въ Гомеровыхъ пѣсняхъ, поэмахъ: здѣсь находимъ мы то же полное общеніе всей жизни небожителей; то же соединеніе ихъ въ одну великую семью; то же отсутствіе всего собственнаго, частнаго, отдѣльнаго; то же блаженство, не нуждающееся въ трудѣ, заботѣ и борьбѣ,

которыми смертные люди ежедневно должны непрестанно завоевывать себѣ свое существованіе.

Но такъ какъ идеи, по ученію Платона, суть такіе первообразы явленій, что никакія явленія никогда не могутъ осуществитъ ихъ вполнѣ, а могутъ быть только причастны имъ болѣе или менѣе, то поэтому и идеальное Платоново государство противостоитъ всѣмъ дѣйствительно существующимъ и возможнымъ для людей государствамъ, какъ вѣчно и истинно сущее и само себѣ равное, т.-е. всегда одинакое, никогда не измѣняющееся.

Вотъ почему второстепенно-лучшее государство, какое Платонъ изображаетъ въ разговорѣ „Законы“,—еслибы оно и осуществилось когда-либо и гдѣ-либо въ жизни,—могло бы только приблизительно быть причастнымъ вѣчности или безсмертію, т.-е. непреходимости и неизмѣнности первостепеннаго, наилучшаго, образцоваго, идеальнаго государства, изображеннаго въ разговорѣ „Государство“—какъ бы слабѣйшимъ его оттискомъ. Впрочемъ вѣчность или безсмертіе (*αθανασία*), приписываемое Платономъ его первостепенному, идеальному государству, значить у Платона не болѣе какъ только согласная съ вѣчными идеями сущность этого государства, потому что онъ и не могъ приписывать ему такую продолжительность, которая простиралась бы въ вѣчность или за предѣлы всѣхъ временъ.

Но подобно тому, какъ въ своемъ разговорѣ „Государство“ Платонъ связываетъ съ его главнымъ содержаніемъ, состоящимъ въ изображеніи первостепеннаго, идеальнаго государства, заключеніе или окончаніе своей этики и философіи вообще,—такъ точно и въ своемъ разговорѣ „Законы“ связываетъ Платонъ съ главнымъ его содержаніемъ, состоящимъ въ изображеніи второстепеннаго, подзаконнаго государства, два продукта дальнѣйшихъ, прогрессивно идущихъ философскихъ изслѣдованій послѣдняго періода своей философской дѣятельности и жизни, въ видѣ какъ бы отступленій отъ упомянутаго главнаго содержанія, а именно: 1) то, что можно назвать начатками Платоновой философіи исторіи, т.-е. то изображеніе общественнаго и государственнаго, историческаго развитія Греціи, которое представляетъ, впрочемъ, смѣсь исторически истиннаго со смѣлыми, отчасти вовсе не-историческими гипотезами,

и 2) то, что можно назвать очеркомъ Платоновой философіи религіи, т.-е. основанную на философскихъ доказательствахъ защиту главныхъ истинъ религіи отъ обѣихъ ея тогдашнихъ враговъ: съ одной стороны, отъ скептицизма и отъ отрицающаго все божественное матеріализма, а съ другой стороны — отъ суевѣрія, придерживающагося, съ лицемѣріемъ или же съ неяснымъ, непросвѣщеннымъ благочестіемъ, такихъ представленій и обычаевъ, ложность и безнравственность которыхъ давно признаны были всѣми разумными людьми въ Греціи.

Необходимость тѣсной связи съ главнымъ содержаніемъ Платонова разговора „Законы“, того, что можно назвать его философіею исторіи, объясняется тѣмъ, что подзаконное государство, изображаемое въ этомъ разговорѣ, по самой своей сущности не могло стоять внѣ всякой связи съ дѣйствительною, исторически опредѣленною жизнью, какъ могло стоять внѣ всякой связи съ нею, также по самой своей сущности, идеальное государство, изображенное въ разговорѣ „Государство“. Необходимость же тѣсной связи съ главнымъ содержаніемъ сочиненія „Законы“ того, что можно назвать Платоновою философіею религіи, объясняется тѣмъ, что подзаконное государство не могло не нуждаться въ двоякой связи, а именно: въ связи съ законами, которые входили бы во всѣ частности и подробности вообще жизни гражданъ, а слѣдовательно и религіозной ея стороны, потому что подзаконное государство не устрояется и не управляется уже, какъ идеальное государство, мудрецами, не нуждающимися въ такихъ законахъ, и въ связи съ религіею, хотя и очищенною Платономъ въ сравненіи съ существовавшею въ Греціи, но тѣмъ не менѣе въ существенномъ соотвѣтствующею основнымъ воззрѣніямъ греческой народной религіи, — съ религіею, символы которой были бы по крайней мѣрѣ прекрасными образами верховныхъ идей какъ для всего государства, такъ и для каждаго гражданина, потому что подзаконное государство не представляло уже идей въ ихъ первоначальной чистотѣ, какъ представляло ихъ идеальное государство, не нуждающееся поэтому въ такой религіи.

Но какъ въ разговорѣ „Государство“, такъ и въ разговорѣ „Законы“ идея верховнаго добра, господствуя надъ всѣми законами и учрежденіями государства и надъ всею жизнью

его гражданъ, есть центръ всего изслѣдованія. Но между тѣмъ какъ тамъ имѣетъ безусловное господство всецѣлая, единая и нераздѣльная добродѣтель, тождественная съ истиннымъ, философскимъ знаніемъ, и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ именно *философская* добродѣтель,—здѣсь выступаетъ опять на первый планъ *гражданская* добродѣтель, руководящаяся вѣрнымъ мнѣніемъ, т.-е. вѣрнымъ тактомъ, инстинктомъ, однакоже такъ что и эта гражданская добродѣтель здѣсь далеко возвышается надъ тѣмъ, что во времена Платона обыкновенно называлось добродѣтью. Далѣе, между тѣмъ какъ тамъ развитая до высочайшаго совершенства Платонова діалектика есть, такъ сказать, душа развитія всѣхъ его мыслей, всего его изложенія,—здѣсь владычествуетъ вѣрное мнѣніе, представленіе, которое—по ученію Платона о незнаніи—занимаетъ въ его ходѣ только второе мѣсто, имѣя значеніе только какъ бы преддверія къ истинному, философскому знанію. Между тѣмъ какъ тамъ Платонъ держится на высотѣ идей,—здѣсь онъ какъ бы виситъ между идеальнымъ и чувственнымъ міромъ, міромъ явленій, хотя онъ никогда и здѣсь не ниспадаетъ на чисто эмпирическую или историческую почву. Между тѣмъ какъ тамъ представляется владычествующимъ свободное, живое самоопредѣленіе ума, который даетъ самъ себѣ законъ и который регулируетъ всю жизнь государства и гражданъ идеею верховнаго добра,—здѣсь владычествуютъ мертвые законы, приковывающіе всю жизнь эту къ слову, къ буквѣ.

Но это вовсе не значитъ, чтобы содержаніе Платонова разговора „Законы“ состояло въ противорѣчій съ содержаніемъ его разговора „Государство“ или даже выражало упадокъ его философствованія; ибо мы всегда должны помнить при изученіи сочиненія „Законы“, что Платонъ, какъ онъ самъ прямо сказалъ, хотѣлъ изобразить въ этомъ разговорѣ государство не столь совершенное, какъ въ своемъ разговорѣ „Государство“, государство, которое принадлежало бы болѣе къ міру явленій, болѣе соотвѣтствовало бы историческимъ обстоятельствамъ греческаго міра и слѣдовательно существенно отличалось бы отъ идеальнаго государства или идеала государства вообще.

Установленіе законовъ для такого второстепеннаго государства, какое изображается Платономъ въ его разговорѣ „За-

коны“, есть вообще ядро всего этого сочиненія, потому именно, что это не есть уже такое государство, которое вовсе не нуждается бы въ законахъ, какъ не нуждается въ немъ то перво-степенное государство, какое изображено Платономъ въ его разговорѣ „Государство“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это второстепенное, подзаконное государство можетъ занять самое высшее мѣсто между всевозможными государствами, не соответствующими вполнѣ идеалу государства, именно не инымъ чѣмъ, какъ исполненіемъ требованія, чтобы законы этого второстепеннаго государства были возможно-совершенные. Между тѣмъ какъ идеальное государство, изображенное Платономъ въ разговорѣ „Государство“, мыслимо безъ входящаго въ частности и подробности законодательства, такъ какъ никогда не затрудняющаяся мудрость его правителей-философовъ всегда, во всякомъ случаѣ, найдетъ разумное, надлежащее, — государство, изображаемое Платономъ въ разговорѣ „Законы“, не могущее разсчитывать на такихъ правителей-философовъ, необходимо должно быть построено на законахъ, которые впрочемъ сами суть также продуктъ разума, хотя несовершенный и не совсѣмъ достаточный для всѣхъ случаевъ и для всякаго времени, и которыми также отражаются идеи въ человѣческой натурѣ, поднятой на высшую ступень нравственности, подобно тому, какъ вѣчные законы природы проявляютъ идеи въ матеріальномъ, физическомъ мірѣ.

Все прочее содержаніе разговора „Законы“ группируется около сказаннаго ядра, или имѣетъ своею главною цѣлью, задачею представить законы подзаконнаго государства, хотя въ этой задачѣ заключается еще и другая, высшая задача — представить всю относящуюся къ сферѣ явленій человѣческую жизнь, какъ этико-религіозное живое цѣлое, надъ которымъ хотя и не владычествуетъ непосредственно идея, но котораго послѣдняя, верховная цѣль есть идея верховнаго добра, добра самого по себѣ и для себя, добра абсолютнаго, какъ начала и конца всѣхъ нравственныхъ стремленій человѣческихъ.

Но по собственному заявленію Платона изображенное имъ здѣсь государство есть не болѣе какъ прекрасная игра мысли, т.-е. теорія, осуществленіе которой въ дѣйствительности не

требуетъ безотлагательности и не можетъ быть, конечно, ожидаемо въ такомъ совершенствѣ; такъ что если когда и осуществится въ дѣйствительности такое государство, то въ немъ практика все еще останется позади теоріи. Этимъ самымъ опредѣляетъ Платонъ точку зрѣнія, съ которой разсматриваетъ онъ въ этомъ сочиненіи государство, а именно: оно есть не болѣе, какъ поэтическій вымыселъ, который допускаетъ возможность изображенія еще и третьестепеннаго по совершенству государства.

И въ самомъ дѣлѣ Платонъ уже тогда задумалъ третье сочиненіе по философіи государства для восполненія первыхъ двухъ сочиненій, т.-е. разговоровъ „Государство“ и „Законы“. Въ этотъ третьемъ сочиненіи хотѣлъ онъ изобразить государство, которое было бы двумя ступенями ниже его идеальнаго государства и одною ступенью ниже его подзаконнаго государства, но такое, которое также нигдѣ еще не существуетъ; такое, въ которомъ онъ хотя и принялъ бы въ соображеніе исторически данныя обстоятельства еще болѣе, нежели во второстепенномъ государствѣ, однакоже не отрекаясь и отъ своихъ основныхъ принциповъ, — такъ что это третье государство должно было бы быть такимъ же вѣрнымъ оттискомъ втораго, подзаконнаго государства, какъ это второе было вѣрнымъ оттискомъ перваго, идеальнаго государства; слѣдовательно и это третье государство все еще стояло бы выше всѣхъ тогда существовавшихъ государствъ по своей главной цѣли, состоящей въ томъ, чтобы осуществить, хотя и не во всей чистотѣ, всецѣлую, единую и нераздѣльную добродѣтель, а слѣдовательно и идею верховнаго добра. Еслибы Платонъ привелъ въ исполненіе это свое намѣреніе, еслибы онъ написалъ такое сочиненіе о третьестепенномъ государствѣ, то относительно богатства историческаго матеріала и приспособленій къ существовавшимъ государственнымъ законамъ и учрежденіямъ оно представило бы замѣчательный *pendant* къ Аристотелеву изображенію наилучшаго государства въ его сочиненіи „Политика“. Тогда бы мы имѣли отъ Платона единственную въ своемъ родѣ политическую трилогію. Въ этой трилогіи была бы выражена во всестороннемъ примѣненіи принадлежащая Платону мысль о переходѣ вообще идеи, стоящей на первой

ступени, къ міру явленій, къ природному становленію, стоящему на второй ступени, какъ къ ближайшему подражанію идеи, и отсюда о переходѣ къ третьей ступени, къ человѣческому подражанію міру явленій, посредствомъ человѣческаго искусства.

Но Платонъ не успѣлъ написать такого третьяго сочиненія о государствѣ, такъ что мы получили отъ него только два первыхъ члена его политической трилогіи.

Наконецъ, о Платоновомъ разговорѣ „Законы“ можемъ мы сказать вообще, что это есть многообъемлющее и величаво задуманное сочиненіе, имѣющее по своему содержанію огромную важность какъ для нашего познанія Платоновой философіи вообще и того особеннаго направленія, которое принялъ этотъ великій философъ въ послѣдней стадіи своей жизни, такъ и для исторіи греческаго и въ особенности аѳинскаго государственнаго, частнаго и уголовного права.

Изъ всего Платонова разговора „Законы“ нельзя не замѣтить, что форма его не обработана Платономъ окончательно, какъ онъ обработалъ прочія, дошедшія до насъ, свои сочиненія, — можетъ быть, потому что онъ не успѣлъ обработать его окончательно, или же потому, что не могъ этого сдѣлать по старческой немощи, застигшей его. Несмотря на то, это сочиненіе и въ настоящемъ видѣ своемъ есть не только весьма важный по содержанію, но и высоко-художественный по формѣ эскизъ подзаконнаго государства, въ которомъ всякій знакомый близко съ Платономъ видитъ его геніальность, его высокую художественность и даже его своеобразный стиль.

Сочиненіе это, какъ и всѣ прочія, дошедшія до насъ, сочиненія Платона, написано въ формѣ разговора, бесѣды. И въ этомъ разговорѣ нельзя не видѣть необыкновеннаго искусства, съ какимъ Платонъ умѣетъ вообще приспособлять форму къ содержанію, — искусства, проявляющагося здѣсь особенно въ выборѣ и характеристикѣ дѣйствующихъ въ разговорѣ лицъ, въ своеобразномъ способѣ веденія между ними бесѣды, въ многообразіи и оттѣненіи употребляемымъ ими словъ и выраженій и сгруппированіи отдѣльныхъ частей разговора вокругъ его ядра, а затѣмъ въ избраніи самой мѣстности,

гдѣ ведется бесѣда, и времени ея продолженія, со всею остальною ея обстановкою.

Всего только три лица принимаютъ здѣсь участіе въ бесѣдѣ: безымянный аѳинянинъ, критянинъ Клиній и спартанецъ Мегиллъ; къ тому же при бесѣдѣ ихъ между собою вовсе не присутствуетъ никого, въ качествѣ безмолвныхъ слушателей, которые, внимательно слѣдя за бесѣдою, выражали бы то свое одобреніе, то свое порицаніе тому или другому изъ собесѣдниковъ, какъ это встрѣчается обыкновенно въ другихъ разговорахъ Платона.

Уже такое небольшое число выводимыхъ Платономъ дѣйствующихъ въ разговорѣ лицъ имѣетъ у него особенное значеніе, обдуманно имъ съ расчетомъ. Такая простота закладки со стороны формы этого разговора совершенно соотвѣтствуетъ спокойному ходу развиваемаго здѣсь содержанія; въ этомъ ходѣ не сталкиваются между собою рѣзкія противоположности въ воззрѣніяхъ и несоединенныя жизненные направленія, а слѣдовательно не вызывается движеніе, подобное тому, какое бываетъ въ драмѣ вслѣдствіе борьбы между воззрѣніями и направленіями дѣйствующихъ лицъ; а также въ этомъ разговорѣ не встрѣчается трудныхъ философскихъ вопросовъ, которые возбуждали бы все новыя и новыя недоразумѣнія, сомнѣнія и возраженія.

Три старика, граждане трехъ различныхъ греческихъ государствъ, аѳинскаго, критскаго и лакедемонскаго, соединясь вмѣстѣ, на подобіе коммисіи законодательнаго собранія, совѣщаются здѣсь о наилучшемъ устройствѣ города или государства, закладываемого на греческой почвѣ, при исторически данныхъ обстоятельствахъ или условіяхъ.

Задача ихъ состоитъ въ примиреніи противоположностей въ характерахъ трехъ различныхъ народовъ: аѳинскаго, критскаго и лакедемонскаго, обусловливаемого этими характерами различнаго устройства и управленія городовъ или государствъ, аѳинскаго, лакедемонскаго и критскаго, а также въ начертаніи для вновь основываемаго города, государства, законовъ, которые казались бы жителямъ, гражданамъ этого государства, не постановленіями бурныхъ, многолюдныхъ народныхъ, законодательныхъ собраній, а плодомъ совѣщанія немногихъ избранныхъ,

разумнѣйшихъ людей, рѣшающихъ свою задачу не безъ божественнаго вдохновенія, наитія.

Съ бесѣдою такого рода были бы, конечно, несовмѣстны ни большое многообразіе бесѣдующихъ лицъ, которыя при своей самостоятельности только нарушали бы простое, спокойное изслѣдованіе, — ни слѣдящая за бесѣдою ихъ публика, какую обыкновенно выводилъ Платонъ въ своихъ разговорахъ въ качествѣ безмолвныхъ слушателей.

Далѣе, характеристическая особенность разговора „Законы“ состоитъ еще и въ томъ, что Платонъ не выводитъ здѣсь Сократа руководящимъ всею бесѣдою, какъ это онъ обыкновенно дѣлаетъ въ другихъ своихъ разговорахъ; Сократъ даже не принимаетъ здѣсь вовсе участія въ бесѣдѣ. Ею руководить лицо, вовсе непоименованное, а только обозначенное по его происхожденію, т.-е. просто аѳинянинъ.

Почему же Платонъ замѣняетъ здѣсь Сократа безыменнымъ аѳиняниномъ? Потому что Сократа, какъ представителя чисто-философскаго, *умозрительнаго* познанія, нельзя было вывести здѣсь въ разговоръ, который вращается преимущественно на почвѣ явленій и вѣрнаго мнѣнія или представленія. Къ тому же, по плану всего этого сочиненія, главное дѣйствующее въ этомъ разговорѣ лицо должно было обладать многими такими историческими и политическими свѣдѣніями, которыя нельзя было приписать Сократу, такъ какъ онъ былъ мало знакомъ съ нравами и обычаями, законами и учрежденіями чужихъ для аѳинянъ государствъ. Наконецъ, Платонъ, избравъ мѣстомъ для этой бесѣды островъ Критъ, вмѣсто города Аѳинъ, который былъ обыкновенно мѣстомъ бесѣды въ другихъ его разговорахъ, не могъ перенести на островъ Критъ Сократа, который почти безвыходно жилъ въ Аѳинахъ.

Но спрашивается: не подразумѣвалъ ли Платонъ подъ аѳиняниномъ *известнаго* лица, именно самого себя? Многое говоритъ въ пользу такого мнѣнія; ибо въ роль аѳинянина внесъ Платонъ многое изъ глубины своей собственной умственной жизни, изъ своего богатаго, пріобрѣтеннаго изслѣдованіями и опытностью запаса свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ, законахъ и учрежденіяхъ разныхъ греческихъ государствъ; изъ своего широкаго, хотя нѣсколько и потемненнаго предразсудками

политическаго взгляда, но въ особенностях изъ настроенія и чувствованій своего престарѣлаго возраста, когда онъ съ спокойствіемъ философа возвышается надъ интригами партій и надъ борьбою противоположностей, не отчаивается въ побѣдѣ истины надъ ложью, правды и справедливости надъ неправдою и несправедливостью, добра надъ зломъ, и слѣдовательно—въ осуществленіи нравственнаго и политическаго быта, соотвѣтствующаго идеѣ верховнаго добра.

Но все это не уполномочиваетъ еще насъ признать, чтобы Платонъ, подъ общимъ именемъ аѳинянина, хотѣлъ здѣсь вывести самого себя; ибо 1) это именно *общее* обозначеніе — *аѳинянинъ*—заставляетъ насъ отвлечься отъ всякой опредѣленной личности; 2) чисто-вымышленный поводъ къ бесѣдѣ исключаетъ возможность приведенія Платономъ дѣйствительно существующихъ лицъ, какъ собесѣдниковъ; наконецъ—3) Платонъ, не заслуживъ упрека въ высокомеріи, не могъ похвалиться своими божественными вдохновеніями, какъ похваляется здѣсь аѳинянинъ, и противопоставлять себя съ такимъ превосходствомъ обоимъ своимъ дорійскимъ собесѣдникамъ—критянину Клинію и спартанцу Мегиллу.

Что же касается этихъ дорійцевъ, то уже безъ всякаго сомнѣнія мы должны признать ихъ вымышленными лицами, хотя Платонъ вообще не имѣлъ обыкновенія выдумывать собственныхъ именъ въ своихъ разговорахъ,—ибо исторія вовсе не упоминаетъ объ этихъ личностяхъ. Словомъ, всѣ эти лица суть, кажется, не что иное, какъ типическіе представители своихъ народовъ и государствъ.

Такимъ образомъ сопоставленіе аѳинянина съ двумя гражданами тѣхъ государствъ, гдѣ древне-дорійскій характеръ нашелъ себѣ наичистѣйшее выраженіе и, нашедши его, удержался, но и далѣе, соотвѣтствуетъ тенденціи всего разговора „Законы“—примирить въ высшемъ принципѣ противоположности, выражаемыя въ характерахъ іонійскаго, т.-е. аѳинскаго и дорійскаго, въ которыхъ коренилась противоположность демократическаго и аристократическаго государственнаго устройства.

Что при этомъ Платонъ далъ въ бесѣдѣ первую роль аѳинянину — это не только есть доказательство его патріотизма, который не исчезъ въ немъ даже вслѣдствіе его недовольства